

## Христианские теологи о популярной музыке как форме коммуникации религии и общества<sup>1</sup>

**О.К. Михельсон, Г.Е. Бокос**

*Санкт-Петербургский государственный университет*

*Санкт-Петербург, Россия*

*o.mihelson@spbu.ru; g.bokov@spbu.ru*

В статье анализируется трансформация восприятия популярной музыки в современной христианской теологии. Рассматриваются концепции протестантских теологов (Дж. Нельсона, А. Райта, У. Дин, К. Кобб, Дж. Спенсера, Р. Уоткинса, Д. Брауна и др.), католических (Э. Грилейя, Й. Ратцингера и Т. Бодуана), отношение к популярной музыке в православии. Если в 1980-е гг. популярная музыка воспринималась просто как возможная форма коммуникации с обществом, что до сих пор присуще православным авторам, сейчас ряд западных теологов предполагает, что популярная музыка может отвечать на экзистенциальные вопросы и даже выражать божественное откровение. Аналогично тому, как в XX в. формировалась теология культуры, в наше время формируется теология популярной культуры.

**Ключевые слова:** *теология культуры, популярная музыка и теология, теология популярной культуры, теомузыкалогия.*

## **Christian theologians about popular music as a form of communication between religion and society**

**O.K. Mikhelson, G.E. Bokov**

*St. Petersburg State University*

*St. Petersburg, Russia*

The paper treats transformation of popular music perception in modern Christian theology. The concepts of Protestant theologians (J. Nelson, A. Wright, W. Dean, K. Cobb, J. Spencer, R. Watkins, D. Brown etc.), Catholic ones (E. Griley, J. Ratzinger, T. Beaudoin), and attitude to popular music in Orthodoxy are analyzed. If in the 1980-s popular music was perceived simply as a possible form of communication with society, which is still common among Orthodox authors, now a number of Western theologians suggest that popular music can answer existential questions and even express divine revelation. Similar to theology of culture formation in the XX century, nowadays theology of popular culture is being formed.

**Keywords:** *theology of culture, popular music and theology, theology of popular culture, theomusicology.*

В нашу эпоху религиозные мыслители ищут новые формы коммуникации с обществом, подчас неудовлетворенным привычными способами взаимодействия со сферой религиозного. В этой связи христианская теология все чаще обращается к популярной культуре. Если на протяжении большей части XX в. теологи практически единодушно были критичны в ее отношении, то начиная с середины 70-х гг. наметилось изменение. Так, Дж. Нельсон отмечал, что для американцев телевизор, музыка и книги – не просто развлечение. Так же, как «богослужения подкрепляют и

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 17-33-01128-ОГН «Современная популярная музыка как форма имплицитной религиозности».

утверждают религиозные убеждения институциональных религий», популярная культура подкрепляет и утверждает ценности, «которыми мы руководствуемся» [15, р. 16]. При этом Нельсон соглашался с тем, что, хотя многие ценности популярной культуры соотносятся с христианскими, между ними может присутствовать и «резкий диссонанс». В схожем ключе рассуждал о популярной культуре У. Романовски, подчеркивая, что она может как служить христианским целям, так и продвигать противоположные взгляды [16].

Западная теология рубежа веков значительно смелее в своей рефлексии о популярной культуре. А. Райт замечает, что люди «все также ищут смысл», но церкви, выражающиеся непонятными архаизмами, потеряли связь с обществом. «Культурная теология», т.е. теология, утверждающая высокое духовное значение культуры, в том числе и популярной, может предложить выход из этого кризиса, пройдя между Сциллой либерализма и Харибдой радикальной ортодоксии. Райт подчеркивает, что «Бога можно найти именно в тех местах, где церковные деятели часто предпочитают, чтобы его не было» [20]. Рассуждая об источниках религиозных смыслов, У. Дин также подчеркивает, что ими могут служить наши увлечения, например, джаз, футбол или кинематограф. Бог – «живая историческая реальность», при этом в прагматическом смысле – социальная конвенция. Наши повседневные занятия дают представление о том, кто мы на самом деле и во что мы действительно верим, и в них можно различить представление культуры о Боге [12].

Черту тридцатилетней полемики относительно значения популярной культуры для теологии подводит К. Кобб, прослеживающий две антагонистические традиции отношения к культуре вообще. Одна восходит к Тертуллиану, поэтому ее представители видят в популярной культуре «врожденные дефекты» (“congenital defects”), другая же – к Августину, в этом случае в популярной культуре усматривают «религиозную жизненную силу» («religious vitality») [11]. Согласно Коббу, в августиновском ключе культуру рассматривают Райнхольд и Ричард Нибуры [3] и Поль Тиллих [7].

Исходя из методологии Кобба, именно к тертуллиановской традиции следует отнести подход Й. Ратцингера, который, рассуждая о популярной музыке, замечает: «Музыка становится экстазом, освобождением от «я», слиянием в единое целое со всей Вселенной. Профанацию возврата этого типа музыки мы сегодня видим в большей части рока и поп-музыки, фестивали которой являются антикультуром сходного направления – это жажда разрушения, снятие барьеров повседневности и иллюзия спасения в освобождении от «я» в диких экстазах шума и массы» [5, с. 624]. С Тертуллианом Ратцингера также сближает и трактовка популярной музыки как возврата к «языческому» практикам, поскольку Тертуллиан в праздных развлечениях видел как раз следы «язычества». Согласно Ратцингеру, люди жаждут освобождения, но та форма освобождения, которую предлагает поп и рок музыка, «родственна освобождению с помощью наркотиков и по сути своей полностью противоположна христианской вере в спасение», более того в популярной музыке «сегодня все больше распространяются сатанинские культы и сатанинская музыка, опасность власти которых при намеренном расшатывании личности и ее разрушении пока еще недостаточно принимается всерьез» [5, с. 625].

Однако столь консервативный взгляд на популярную музыку можно скорее назвать маргинальным даже среди католических мыслителей. И если Э. Грилей в 1988 г. несколько свысока замечал, что «католическая восприимчивость» (Catholic sensibility) всегда обращала внимание на простых людей, поэтому внимание, например, к Мадонне, В. Аллену, К. Иствуду и С. Кингу является формой теологии «снизу» („bottom up”), версией теологии освобождения и утверждением таинства жизни [13], то Т. Бодуан идет значительно дальше. Он полагает, что популярная культура является основной смыслообразующей системой, через которую мы выражаем свои религиозные интересы, мечты, страхи, надежды и желания, источником религиозных смыслов, а вовсе «не ущербной замене вере». Певицу Мадонну при этом Бодуан превозносит как «святую освобождения» („saint of liberation”) и даже сопоставляет ее с Франциском Ассизским [9].

Как западные христианские мыслители пришли к столь радикальным, казалось бы, идеям? Прорывным теологическим подходом, предложившим новый взгляд на популярную музыку, стала теомузыкалогия Дж. Спенсера [18]. Он подчеркивает, что религия является не изолированной, а всепроникающей частью культуры, поскольку последняя «создается людьми», которых Спенсер считает «неизбежно религиозными». Причем религиозные люди понимаются им чрезвычайно широко – как «те, кто естественным образом задает и обдумывает множество жизненно важных вопросов, возникающих из нашего чувства конечности» [17, p. 205]. Эти вопросы составляют часть дискурса светской популярной музыки, но по своей сути являются теми же, для которых институционализированные религии дают канонические ответы. Поэтому популярная музыка открывает «истинное окно в человеческую душу» и раскрывает «честный религиозный дискурс», отражая религиозное воображение, «освобожденное от доктринальных приличий».

Р. Уоткинс, основываясь на концепции Спенсера, анализирует творчество репера DMX и называет его «плачущим пророком», тем самым отсылая к пророку Иеремии. Для Уоткинса в текстах DMX содержится «абсолютная аутентичность», более того, они могут выражать сакральную истину, которая освобождает слушателя [19, p. 83–88].

Если в 90-е гг. теомузыкалогия могла показаться смелым подходом, то в новом веке никого не удивишь даже попыткой интерпретировать популярную музыку через концепцию таинства, предпринятой Д. Брауном. Согласно мыслителю, центральная религиозная идея – идея таинства. Предпосылкой теологического проекта Брауна является представление о том, что благодаря воплощению Бога в материальном мире, а также прославлению этого воплощения в религиозной жизни, божественное воплощается в самых неожиданных местах, в том числе, в популярной музыке [10, p. 295–348]. Браун категорически не согласен с утверждением, что популярная музыка противоположна истинно религиозному опыту, что она лишена глубины. Напротив, он считает, что в художественной традиции, из которой популярная музыка не исключается, мы можем обнаружить божественное воплощение.

Как остроумно замечают К. Марш и В. Робертс, отношение теологов к популярной музыке, и популярной культуре в целом, прошло путь «от греха до таинства», в результате «теология таинства» (sacramental theology)

предлагает, что любой аспект популярной культуры может стать каналом самораскрытия Бога или Божьей благодати, с чем эти авторы, впрочем, согласны [14].

Можно отметить, что РПЦ МП также следует августирианской традиции в отношении культуры, поскольку считает, что культуре присуще «изначальное божественное происхождение» [4]. В любом творчестве может быть выражен личностный религиозный опыт – опыт «духовного обновления», и благотворно повлиять на других. Отношение РПЦ МП к современной светской музыке такое же, как и к современной светской культуре. Она в определенных случаях «способна быть носителем благовестия», особенно когда «влияние христианства в обществе ослабевает», а «для проповеди о Христе пригодны любые творческие стили, если намерение художника является искренне благочестивым и если он хранит верность Господу» [4]. С другой стороны, Церковь предостерегает от разрушительных сил, которые могут исходить от той же самой культуры, когда божественное «подменяется демоническим». Таким образом, с православной точки зрения, творчество может либо способствовать «нравственному и духовному преображению личности», либо превращаться в «антикультуру», которая «противопоставляет себя Богу, становится антирелигиозной или античеловечной» [4], что Церковь категорически осуждает. Интересно, что, хотя РПЦ МП подчеркивается приемлемость выражения христианских истин в различных культурных формах, в том числе современных, многие православные авторы все равно утверждают, что популярная музыка, особенно рок, – «демоническое» явление, несущее разрушительный потенциал.

Митрополит Илларион (Алфеев) в этой связи замечает, что «мы живем в эпоху, когда многие люди вообще почти ничего не знают о Христе» и поэтому произведения популярной культуры могут внести «значительный вклад в дело христианской миссии. В эпоху массовой культуры такие произведения могут напомнить людям о Христе и кого-то даже привести к вере». Так он комментирует рок-оперу «Иисус Христос Суперзвезда», подчеркивая, что хотя она и «не соответствует церковным критериям», ее автор «выполнил блестяще» ту задачу, «которую он перед собой ставил», «сумев средствами современной музыки на доступном молодежи языке рассказать историю Страстей Христовых». Вместе с тем, Алфеев неоднократно высказывался о том, что лучше слушать духовную или классическую музыку, тогда как эстрадная музыка иногда «вызывает в человеке агрессию, лишает его покоя, искажая его естественный внутренний ритм» [8].

Протоиерей Андрей Кураев, говоря о своем личном опыте, отмечал: «Под звуки рок-музыки китайская стена атеистического воспитания, отделявшая меня от мира христианства, каким-то кирпичиком все-таки треснула, и вдруг оказалось, что Христос может быть интересен современному человеку» [1, с. 7]. Согласно Кураеву, русский рок в его «лучших проявлениях» занимался решением религиозно-философских вопросов, движением «к Небу, которым живу», был протестом «против язычества», «потребительства, материализма, банального примитивизма, бесстрагического понимания жизни» [2, с. 353].

Игум. Сергей (Рыбко), который пришел к православию именно в ходе юношеских увлечений рок-музыкой, отмечает: «К великому сожалению,

большинство современных православных изданий, признавая положительную культуру классическую, национальную народную культуру, напроць отмечают культуру современную, во всех ее видах и проявлениях» [6, с. 5]. При этом «у рок-музыки и Церкви одна задача – привести людей к истине», а «обличители» рок-культуры, так и не удосужившись разобратся в ней, отталкивают современную молодежь от православной веры и Церкви, тем более тех из них, для кого музыка – это часть жизни. Рок-музыка, замечает автор, отражает душевный поиск молодых людей, и как бы ее не запрещали, она все равно будет. «Другое дело – куда эту культуру направить: на прославление Бога, на раскрытие лучших черт в человеке (а это вполне возможно) или, наоборот, на похуление, разрушение, низменные проявления. Это уже дело людей, дело разума человеческого» [6, с. 29].

В целом можно заметить, что православные мыслители рассматривают популярную музыку в ключе прозелитизма, как один из языков коммуникации с обществом, в первую очередь, с молодежью, как возможность заинтересовать христианством и привести людей к вере, однако не приписывают ей особенной богословской ценности. Примерно такой подход был характерен и для западной теологии 70-х и 80-х гг. Популярная музыка воспринималась как удачный язык коммуникации с обществом, особенно молодежью, отчасти потерявшей интерес к традиционным религиозным формам. В настоящее время как протестантские, так и католические теологи в своих рассуждениях о популярной музыке пошли значительно дальше, предполагая, что она может отвечать на экзистенциальные вопросы, и более того, выражать божественное откровение, окончательную истину, и служить источником для теологии. В целом можно сказать, что аналогично тому, как в XX в. формировалась теология культуры, в наше время, особенно в русле протестантской теологии, формируется теология популярной культуры, и более того, конкретно популярной музыки.

### Литература

1. Кураев, А. Ответы молодым / А. Кураев. Саратов, Изд-во Саратовской епархии, 2003. 288 с.
2. Кураев, А. Рок и миссионерство. Беседы с Богословом / А. Кураев. М., Эксмо-Яуза. 2004. 384 с.
3. Нибур, Р., Нибур, Р. Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура / Р. Нибур, Р. Нибур. М.: Юрист, 1996. 575 с.
4. Основы социальной концепции Русской православной церкви. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 20.01.2019).
5. Ратцингер, Й. Богословие литургии / Й. Ратцингер. М.: Благотворительный фонд имени святителя Григория Богослова, 2017. 648 с.
6. Рыбко, Ю.И. Современная культура: сатанизм или богоискательство? / Ю.И. Рыбко. М.: Издательство им. свт. Игнатия Ставропольского, 2002. 96 с.

7. Тиллих, П. Избранное. Теология культуры / П. Тиллих. М.: Юрист, 1995. 479 с.
8. Чеботарев, А. Епископ-странник. Интервью с митроп. Илларионом (Алфеевым)] / А. Чеботарев // Православный журнал «Фома». №3 (47). 2007. С. 66–71.
9. Beaudoin, T. Virtual Faith: The Irreverent Spiritual Quest of Generation X / T. Beaudoin. San Francisco: Jossey-Bass, 1998. 210 p.
10. Brown, D. God and Grace of Body. Sacrament in Ordinary / D. Brown. Oxford: Oxford University Press, 2007. 446 p.
11. Cobb, K. The Blackwell Guide to Theology and Popular Culture / K. Cobb. Malden, MA, Oxford, Carlton: Blackwell Publishing, 2005. 325 p.
12. Dean, W. The American Spiritual Culture and the Invention of Jazz, Football and the Movies / W. Dean. New York: Continuum, 2002. 288 p.
13. Greeley, A. God in Popular Culture / A. Greeley. Chicago: Thomas More Press, 1988. 307 p.
14. Marsh, C., Roberts, V.S. Personal Jesus (Engaging Culture): How Popular Music Shapes Our Souls / C. Marsh, V.S. Roberts. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2013. 256 p.
15. Nelson, J.W. Your God Is Alive and Well and Appearing in Popular Culture / J.W. Nelson. Philadelphia: Westminster Press, 1976. 212 p.
16. Romanowski, W.D. Eyes Wide Open: Looking for God in Popular Culture / W.D. Romanowski. Grand Rapids, MI: Brazos Press, 2001. 272 p.
17. Spencer, J.M. Overview of American Pop Music in Theological Perspective. Theomusicology, special issue / J.M. Spencer. // Black Sacred Music: A Journal of Theomusicology 8, № 1, 1994. 216 p.
18. Spencer, J.M. Theological Music: Introduction to Theomusicology / J.M. Spencer. Westport, CT: Greenwood Press, 1991. 182 p.
19. Watkins, R.B. Hip-Hop Redemption (Engaging Culture): Finding God in the Rhythm and the Rhyme / R.B. Watkins. Grand Rapids, MI: Baker Books, 2011. 176 p.
20. Wright, A. Why Bother with Theology? / A. Wright. London: Darton, Longman and Todd, 2002. 128 p.

### **Новые сакральные пространства в городе (на примере украинских городов)**

***К.Л. Гуржи***

*Донецкий национальный университет имени Василя Стуса*

*Киев, Украина*

*kseniia\_gurzhi@ukr.net*

В статье на примере украинских городов рассматривается появление новых значимых мест памяти в пространстве города. Предлагается типология этих мест памяти, опираясь на теорию М. Элиаде и Р. Кайуа рассматривается процесс приобретения городскими пространствами статуса «сакральных», а также отношения